

Предлагаем вниманию читателей серию из трёх бесед с историком Андреем ФУРСОВЫМ о глобальных трансформациях современного мира и человека, о роли и участии нынешних западных элит в грядущем мироустройстве.

"ЗАВТРА". Андрей Ильич, недавно в нашей газете был опубликован цикл ваших статей "Жизнь и смерть капитализма". Ясно, что в условиях крушения глобального мира в первую очередь страдает средний класс. А что будет с элитами? Как именно они будут "почковаться", делиться?

Андрей ФУРСОВ. Правящие элиты будут и раскалываться, и схватываться друг с другом, и договариваться. На кону — будущее: кто кого (по-ленински) отсечёт от него. Раскол элит идёт сразу по нескольким линиям: по положению в пирамиде мировой экономической системы (борьба между стадийными фракциями господствующего класса), по классовым и — в меньшей степени — классовым принадлежностям. Есть и количественная сторона дела.

Нынешняя мировая экономическая пирамида представляет собой следующее (в нескольких статьях это хорошо показала Елена Сергеевна Ларина). Верх — 3–5% — занимают так называемые экзиты (от английского слова access — доступ). Речь идёт о БигТехе — об информационных платформах типа "Гугла", "Майкрософта" и других, контролирующих социальные сети, информационные потоки, интернет вещей и т.п.

Следующий "этаж" — финансистский; это та часть "финансового" капитала, которая в значительной степени ориентирована на экзизм, что не исключает острых противоречий с ним; слово "финансовый" взято в кавычки не случайно: в нынешних условиях, когда можно печатать триллионы ничем не обеспеченных долларов, деньги утратили четыре из своих пяти функций (по мнению некоторых — все пять) и перестали быть деньгами в строгом смысле слова, а финансовый капитал — финансовым, это нечто другое.

Третий "этаж" — то, что З. Бжезинский назвал технократией; этот сектор расцвёл в самом конце XX века. Зона именно технократии — главное "поле охоты" наиболее современных и крупных корпораций, успешно конкурирующих с "чисто промышленными". Ещё ниже — промышленный сектор (и промышленный капитал), который и создал "великую Америку" 1930–1980-х годов, величие которой хотел вернуть Трамп. По сути, к этому сектору и капиталу, к реальной (или физической), как назвал её вслед за

ный" аспект. Отчасти это похоже на СССР второй половины 1970-х — первой половины 1980-х годов, когда "застой", то есть господство горизонтальной административной мобильности над вертикальной, создал закупку каналов для разбухшей ("образованные просто одолели" — пел Михаил Иванович Ножкин) элиты.

Таким образом, мы имеем целый букет острых межклассовых и внутриклассовых противоречий: — между низами и средним слоем, с одной стороны, и верхами — с другой; — внутри верхов между различными фракциями; — внутри фракций и поверх их барьеров между кланами.

На всё это накладываются расовые проблемы. Осенью 1989 года Иммануил Валлерстайн, будучи у меня в гостях, заметил, что Америку ждёт своя перестройка, только она скорее всего будет более кровавой. На мой вопрос "почему?" он ответил: потому что здесь классовое тесно переплетено с расовым, а на вопрос, когда, по его мнению, это произойдёт, прищурившись, сказал: "Не позже 2020 года".

По сути, сегодня в мире сложилась революционная ситуация, обусловленная терминальной фазой системного кризиса капитализма и рождением новых, уже некапиталистических/посткапиталистических форм эксплуатации и отчуждения.

"ЗАВТРА". А есть на Западе исследования, посвящённые этим формам?

Андрей ФУРСОВ. Их немного, и одно из таких мы сегодня не раз вспомним. Это работа Шошаны Зубофф "Эра надзорного капитализма. Борьба за человеческое будущее на новой границе власти" (Zuboff Sh. Age of Surveillance Capitalism. The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. L., 2019). Хотя Зубофф по старинке, по инерции называет новую форму капитализмом — надзорным капитализмом (далее — НК), то, что она описывает, к капи-

"Интернет вещей" — важнейший элемент НК: здесь происходит комбинация социальной инженерии, психологии, физики, биологии и электроники. Люди превращаются в стандартизированные повседневные-потребительские группы, то есть в обезличенные человеческие стада. При этом Большие данные (Big Data) обеспечивают наблюдение и контроль над такими сторонами и формами поведения, которые раньше невозможно было отследить в принципе.

"ЗАВТРА". Как говорится, хайтек-технологии переросли в хайхьюм-технологии.

Андрей ФУРСОВ. Именно так. Новый "информационный строй" вызревал всю последнюю четверть, а возможно, и треть XX века. В середине 1970-х годов всерьёз забуксовала кейнсианская экономика, и мировая верхушка поняла: дальнейшее промышленное развитие, а следовательно, и индустриальный капитализм, укрепляют позиции среднего слоя, превращают государство всеобщего собеса (welfare state) и демократические институты в мощное оружие левых партий. И была сделана ставка на смену господствующей социально-экономической идеологии — с кейнсианской на неолиберальную; началось "восстание элит" (К. Лэш), орудием которых стали "люди второго Модерна": активистки феминистского разлива, вечно недовольные студенты-троечники, разношёрстные маргиналы-бездельники, которые свою нелюбовь к труду перенесли на рабочих, мигранты. Так называемый второй Модерн — это на самом деле не нечто самостоятельное, а продукт разложения "первого Модерна" ("второго Модерна", как и "не первой свежести" не бывает), так же как новые "левые" — продукт разложения левого движения, а неомарксизм — марксизма. Люди "второго Модерна" — это объективно люди второго цивилизационного сорта, то, что англосаксы называют social trash. То, что было мусором в эпоху цветущего, "первомодерного" капитализма, всплыло волею верхушки на

роста, в политике это ведёт к антидемократическому строю. На поздней стадии развития капитализма рост прибыли уходит в такой отрыв от темпов экономического роста, что, во-первых, начинает блокировать сам экономический рост: хозяевам системы он, по сути, перестаёт быть необходимым, то есть падение темпов экономического роста в позднем капитализме связано не столько с техникой и научно-техническим прогрессом самими по себе, сколько с капиталом как таковым. Во-вторых, с определённого момента капитал начинает уничтожать институты буржуазной демократии и как бы возвращается во времена своей людредской молодости, в XVII–XVIII века, приобретая откровенно антисоциальный характер. Как верно заметила Зубофф, "капитализм нельзя есть сырым; как сосиску, его надо варить, то есть обрабатывать демократическими институтами. Поскольку сырой капитализм антисоциален". Это распространяется на все версии капитализма, особенно на ту кланово-олигархическую, коррупционно-криминальную, которая сформилась в РФ после 1991 года.

Пикетти называет формирующийся на нынешнем Постзападе строй "патримониальным неофеодализмом". На мой взгляд, этот термин столь же неточен, как и НК. Ранний феодализм — это частичная власть над телом человека, развитый — только земельная собственность. "Гугл", "Майкрософт" и др. отчуждают не волю человека по отношению к внешнему объекту, а его самого вместе с этой волей, внутренне обезволивая, навязывая ценности, контролируя потребление и поведение. Человеку навязывают то, что он должен хотеть, меняя его потребленческие привычки и его идентичность как потребителя, причём навязываю и агрессивно. Я забыл как-то раз в поисковик слово "ванна", мне нужно было поменять старую — так мне потом несколько месяцев приходили предложения от разных фирм. Да что там поиск! В разговоре при включённом смартфоне упомянул, что мне нужно кое-что купить для ремонта — со следующего дня мою почту завалили рекламой именно этих товаров.

форм, образующих Матрицу. Они собирают данные о наших покупках, перемещениях, контактах, эстетических пристрастиях. Формируется человек, приспособленный к следящему "поисковики" и зависимый от него. Ларри Пейдж, один из основателей "Гугл", как-то сказал: "Люди создают и оставляют огромное количество данных о себе своими поисками, кликами. И это можно использовать". Жизнь человека превращается в совокупность кликов, сначала отслеживаемых, а со временем направляемых/диктуемых экзистской платформой.

Очень важно вслед за Зубофф подчеркнуть: НК как таковой не вытекает с необходимостью из цифровой технологии, которая сама по себе нейтральна. Его создала определённая группа людей в определённых интересах в определённых времени и месте. Он — социально-экономическая конструкция, а не просто технология; эта конструкция определяет технологию, а не наоборот. Это лишний раз говорит о том, насколько неадекватна схема так называемых технологических укладов для объяснения реальности. Технологический уклад есть следствие социальной системы, её функция. Определённые социальные системы порождают определённую технологию. Но не наоборот. А изобретение "Тутлом" необходимо ему способ изыятия (Зубофф использует слово dispossession, отчуждение) продукта — определённого типа поведения, поведенческого прибавочного продукта, говорит, что речь идёт о новом типе экономики и общества. Если массовое производство стремилось создать новые источники спроса, то здесь всё обстоит иначе. Тот же "Гугл", естественно, строит бизнес вокруг растущего спроса рекламщицов. Человек, который, сидя за компьютером, что-то себе заказывает, думает, что это он потребитель. Однако — нет, он лишь сырьё, сливащик информации. А реальный потребитель "Гугл" — рекламщик. Отсюда эта странная атмосфера закрытости и секретности на ведущих мировых интернет-сервисах. Покруче, чем в НАСА или АНБ.

"ЗАВТРА". Контроль и секретность.

Андрей ФУРСОВ. И идейная артподготовка.

"ЗАВТРА". О чём конкретно речь?

Андрей ФУРСОВ. Историки знают, что утопии были не только фактом литературной жизни, но и оружием в психоисторической борьбе/войне. Они выполняли психо- и социоинженерную функцию, задавая тип и "коридор" прогнозирования, определяя направления социальной (геоисторической) проектно-конструкторской деятельности. Одной из задач утопий и — в равной степени — антиутопий было не только нарисовать желательный, причём всегда в интересах определённой группы, идеальный для неё образ будущего, но и представить его как неизбежный. Я согласен с тем, кто считает, что многие нынешние схемы цифровизаторов и ультраглобалистов (того же Шваба) — это утопии (для большей части человечества — антиутопии), призванные убедить всех в неизбежности их трансгуманистического новонормального мира, в бессмысленности и бесполезности сопротивления ему, то есть подвить волю людей к сопротивлению их "дьявному новому миру". Именно поэтому критический анализ этих утопических работ, жёсткое и бескомпромиссное противодействие им — крайне необходимая новая форма идейной, социальной, цивилизационной и, если угодно, социально-биологической видовой борьбы.

Своими схемами глободифровизаторы программируют и общественное сознание, и научные исследования, которые должны доказать их правоту, неизбежность их мира. Идеологию неизбежности, неизбежничество (inevitabilism) Зубофф считает одним из ментальных, когнитивных орудий цифровизаторов, призванных убедить всех в отсутствии альтернативных вариантов будущего. Например, Шмидт и Козн в работе "Новый цифровой мир: меняя нации, бизнесы и наши жизни" (The New Digital Age: Transforming Nations, Businesses and Our Lives. New York, 2014) писали, что скоро на Земле всё будет связано друг с другом и никто не сможет этому помешать. Однако, подмечает Зубофф, как только мы подвергнем доктрину неизбежности критическому анализу, она начинает трещать по швам; другими словами, она оказывается нарисованным на холсте. На самом деле история носит вероятностный характер, который цифровизаторы, как и свободу воли, отрицают. Свобода воли людей, даже отдельного человека — это то, что рушит их мир, который они трактуют как автономную надчеловеческую реальность, которая якобы будет управлять человеком. "Якобы" — потому что самой Матрицей всё равно будут управлять люди, использующие её как ширму, подобно тому, как египетские, вавилонские и иные жрецы использовали богов, чью волю они якобы лишь истолковывали и доносили.

"ЗАВТРА". Другими словами, власть и деньги.

Андрей ФУРСОВ. И деньги, причём обеспечиваемые нерыночным способом. Нередко "Гугл" и другие надзорные платформы характеризуются как двусторонние или многосторонние рынки, однако Зубофф категорически отвергает такой подход: "Это вовсе не рыночные структуры. Рынок — это маска для них. "Гугл" нашёл способ превращать свои нерыночные транзакции с пользователями в дополнительное "сырьё" — производство продуктов для рыночного взаимодействия с их настоящими потребителями — рекламщиками". Иными словами, перед нами не капиталистическая структура и не рыночная, она опровергает рынок и выходит за рамки рыночной экономики. Рынок для неё лишь маска.

Беседовал Андрей ФЕФЕЛОВ

Продолжение следует

Реклама

Книгу можно приобрести

в День-магазине: +7 (499) 350-17-79,

pochta@den-magazin.ru, день-магазин.рф

ХРАМ БИОЦИФРЫ

Часть первая

поверхность как нечто важное. Столетний миллиард-норвежец в романе Ю. Козлова "Новый вор" об этом говорит так: "Самая передовая и активная сила общества теперь — идеальный, классический, убираемый во все предшествующие времена человеческий мусор: геи, лесбиянки, педофилы, ненавистники семьи и религии, скотоложцы, ювенальные юристы, сектанты, извращенцы, мультикультураллисты и прочее отребье. Мусор к мусору... думай сам, как жить в мусоре, не превращаясь в мусор".

Именно тек, кого смачно приложил норвежец, элиты и бросили против "людей первого Модерна" — рабочих и "мидлов", с их помощью и был совершён неолиберальный поворот. Ясно, что в перспективе всей этой социальной шушере "второго Модерна" никакой Модери и вообще ничего не светит, им уготована помойка Истории, в лучшем случае — зона прекариата в постмодерне, демонтаж демократических институтов. Люди "второго Модерна", которых прикормленные социологи объявили новыми революционерами в противовес "устаревшим старым" — ударная сила той самой "раздемократизации Запада", о необходимости которой столько говорили авторы написанного в 1975 году по заказу Трёхсторонней комиссии доклада "Кризис демократии".

"ЗАВТРА". Ну и конечно, новые задачи потребовали новых социально-психологических технологий.

Андрей ФУРСОВ. Именно на рубеже 1960–1970-х годов в США всерьёз начались разработки методов и техник контроля над поведением человека. Это, например, телеметрические опыты Р. Стюарта Маикей; неслучайно именно в 60–70-е годы были предсказаны многие из сегодняшних контролирующих практик. Достаточно вспомнить книгу "Год 2000" (1967) директора Гудзонского института предсказания будущего Германа Кана (кстати, он послужил прототипом доктора Стренджилава в знаменитом фильме Стэнли Кубрика) и "Автономная технология" (1977) политолога Лэнгдона Винера. Уже тогда, полсотни лет назад, у многих в США возникло чувство тревоги по поводу распространения в обществе психотехник контроля над поведением и подавления свободы воли. Речь, помимо прочего, шла и о цэрэрушном проекте "МК-Ультра", в котором не афишируемую, но значительную роль играли вывезенные американцами в 1945–1946 годах немецкие психологи и психиатры (около 900 человек, среди них было немало нацистов, ставивших опыты в концлагерях).

Дело дошло до того, что в 1971 году, реагируя на тревожные настроения в обществе, сенатский подкомитет по конституционным правам с участием весьма известных лиц (Сэм Эрвин, Эдвард Кеннеди, Роберт Бирд и др.) начал многолетнее расследование программы, направленных на предсказание, контроль и модификацию человеческого поведения. Эти сенаторы и подумать не могли, с чем столкнутся их соотечественники в XXI веке, а ведь идеинное обоснование этого "с чем" появилось в том же 1971 году. Знаменитый психолог-бихевиорист Беррес Скиннер опубликовал книгу "За пределами свободы и достоинства". Критики сразу же окрестили её "К рабству и унижению", поскольку речь в ней — ни много ни мало — шла о необходимости отказа от ряда ценностей, в частности, от свободы, приватности — привет цифровизаторам будущего. Кстати, в 1971 году и Шваб выпустил книгу "Управление современным предприятием в машиностроении", где впервые поднят тему стейкхолдерского капитализма, а самих стейкхолдеров определил как "вторичных участников огромного коммерческого проекта".

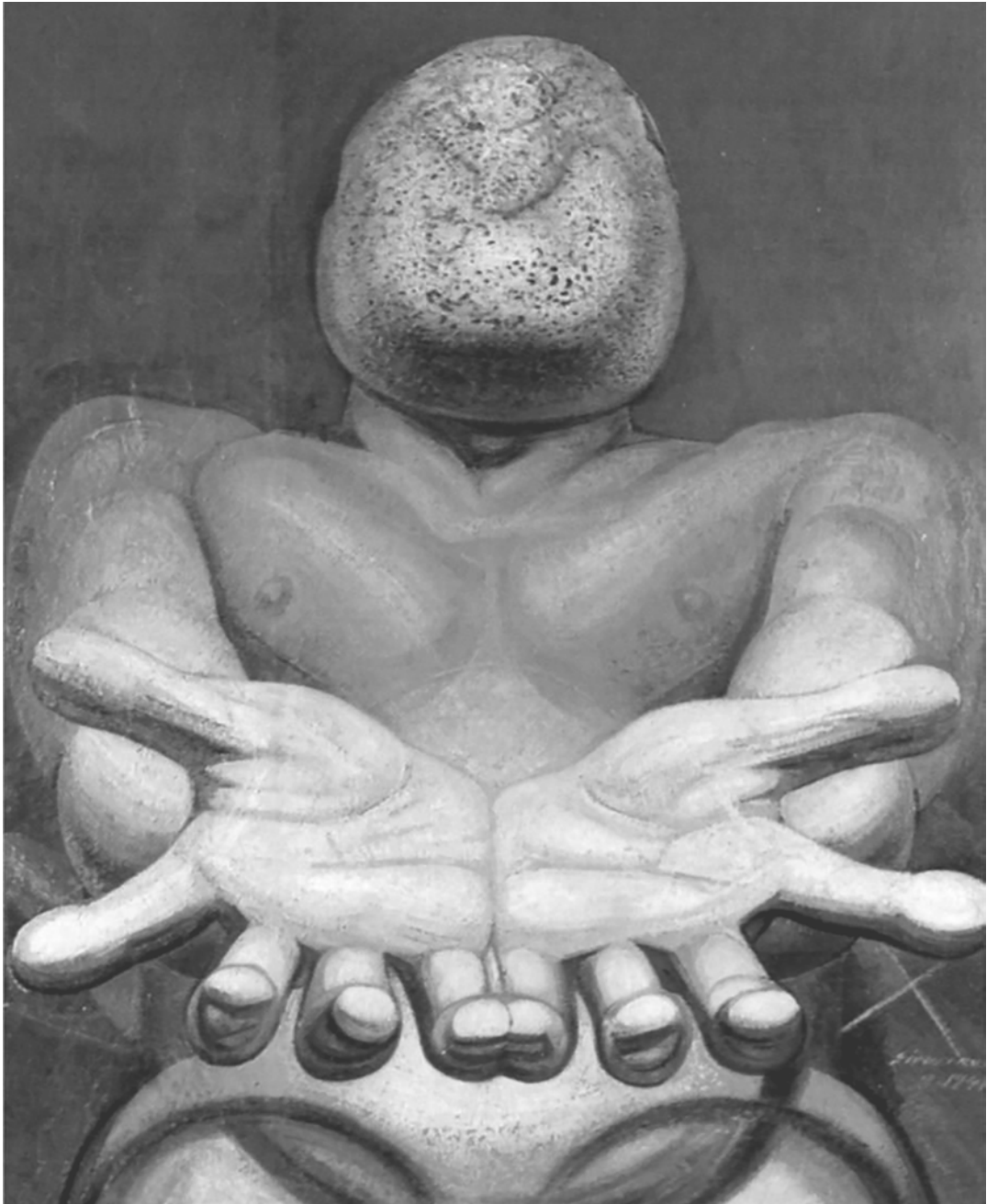
В начале 1970-х все эти события: первый доклад Римскому клубу, книги известного психолога Скиннера и никому неизвестного тогда Шваба, — не то, чтобы прошли незамеченными, но никто не увидел в них те злые семена, из которых вырастут "цветы зла" начала XXI века.

"ЗАВТРА". Есть ли точная дата, когда распустились "ядовитые цветочки"?

Андрей ФУРСОВ. Все даты такого рода условны. Зубофф моментом рождения НК считает не 11 сентября 2001 года, а 9 августа 2011 года. В этот день произошли три события, на первый взгляд, совершенно не связанные между собой, но сложившиеся в пазл. Apple обошла компанию Exxon Mobil в качестве высококапитализированной корпорации, в Лондоне произошёл бунт феминистско-активисток, студентов и "цветных", усмирять которых вышли 16 тыс. полицейских; в Испании на улицы вышли толпы людей, потребовавшие от "Гугла" соблюдать их "право на забвение", то есть перестать лезть в их частную жизнь, используя их персональные данные.

По поводу лондонских событий 9 августа 2011 года одна "социологиня" заметила, что это был гнев тех людей, которые хотят быть частью среднего класса, а их туда не пускают. Верно, замечу я, но добавлю: и не пускают их, дурилок картонных, а используют и выбросят — многих уже выбросили. Неолиберальной экономической системе, позднему капитализму, а тем более посткапитализму средний класс (слои) вообще не нужен, как и демократические институты.

Их изживание, а с како-то момента — уничтожение, встроены в логику эволюции позднего капитализма. Тома Пикетти в книге "Капитал в XXI веке" (2013 г.; переведена на русский язык, рекоменду!) сформировал общий закон накопления: при капитализме прибыль на капитал обгоняет темп экономического

Дэвид Альфаро Сикейрос «Наш нынешний образ», 1947 г.

Побиском Кузнецовым Линдон Ларуш) экономике финанализм (не путать с классическим финансовым капиталом) отношения не имеет: он, как и экзизм, ориентирован на невещественное, то есть в физическом смысле не существующее и часто ничем не обеспеченное. Ещё ниже — сельскохозяйственный сектор, представленный как агропромышленными корпорациями, так и в ещё большей степени малым и средним фермерским бизнесом и кооперативами.

С некоторым упрощением можно сказать, что в борьбе за будущее между "этажами" пирамиды экзиты и финансисты, реализующие себя как наднациональная (надгосударственная), а следовательно, ультраглобалистская сила, нередко в союзе с технократниками, выступают против промышленников и аграриев. Объект их уничтожения — "великая Америка". Нельзя сказать, что промышленники и в ещё большей степени технократники не оперируют на глобальном уровне: среди них хватает сторонников глобализма. Однако надо различать глобалистов и ультраглобалистов. Первые заинтересованы в сохранении государства (а следовательно, по социально-экономической логике, среднего слоя, национального рабочего класса), но под контролем традиционных международных институтов: МВФ, Всемирного банка и т.п. Ультраглобалистам в мире, построенном в соответствии с их интересами и по их лекалам, государство вообще не нужно, и мир должен состоять из мегакорпораций: нового издания британской Ост-Индской компании, из Венеций размером с макрорегион. А потому традиционные международные институты, включая ООН, им не нужны, равно как и средний слой — только верхи и низы (то, что социологи называют "обществом 20:80").

На все эти конфликты между стадийно-историческими фракциями капитализма и группами, прежде всего экзитскими, выгызгающимися из капитализма подобно Чужим из чьих-то тел, как в известном фильме, накладывается борьба различных наднациональных клановых группировок, закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления и даже окопальных обществ.

Наконец, последнее по счёту, но не по значению — количественный аспект. Ещё в 2008–2010 годах клидодинамик Пётр Турчин спрогнозировал на конец 2010-х годов пик цикла перепроизводства (перенасыщения) элиты в США с последующей логической необходимостью сброса её части с "жоробля Истории", почти по ОГени: "Боливару не снести двоих". Таким образом в США к "качественным" сторонам внутриэлитного раскола добавляется "количествен-